

Научная статья
УДК 94(571.53)
DOI 10.18101/2305-753X-2026-1-52-66

ТРАДИЦИОННОЕ ЗЕМЛЕДЕЛИЕ АЛАРСКИХ БУРЯТ

© **Махачкеева Галина Виссарионовна**

кандидат исторических наук, независимый исследователь
Россия, 670042, г. Улан-Удэ, ул. Мокрова, 24
ecoprint@inbox.ru

Аннотация. Изучение земледелия бурят на западном берегу Байкала является актуальным еще с XVIII в. Ему посвящено много работ обобщающего характера. Несмотря на это, тема остается недостаточно исследованной, в ней много пробелов и спорных положений. В связи с этим наше исследование посвящено изучению локальных традиций — особенностям возникновения и развития автохтонного хлебопашества на примере аларских бурят, расселенных на территории современного Аларского района Усть-Ордынского Бурятского округа Иркутской области. Здесь, в левобережной южной части Приангарья, находятся самые плодородные земли Байкальского региона. Работа основана на анализе имеющихся археологических, лингвистических, фольклорных, исторических, статистических, а также полевых материалов и данных из разработок современных исследований. Для выявления истоков сельскохозяйственных традиций проведены сравнительные аналогии с аграрной культурой смежных регионов Южной Сибири — Тувы и Хакасии. Сделан вывод о том, что Аларская долина является главной древней житницей Предбайкалья. Определены генезис хлебопашества, обусловленный присутствием в регионе носителей аграрной культуры тюркского происхождения и высоким природным сельскохозяйственным потенциалом территории.

Ключевые слова: аларские буряты, Предбайкалье, земледелие, тюрки, традиции, почвы, зерновые.

Для цитирования

Махачкеева Г. В. Традиционное земледелие аларских бурят // Вестник Бурятского государственного университета. Гуманитарные исследования Внутренней Азии. 2026. Вып. 1. С. 52–66.

Этнографическое изучение бурят Предбайкалья всегда было активным, но вопросы их сельскохозяйственных традиций до сих пор остаются нераскрытыми. В связи с этим в обществе, в том числе научном, прочно бытует мнение о привнесении в регион земледелия переселенцами из западных регионов России. В то же время известно, что ранние сообщения русских первопроходцев с 1625 по 1693 г. (см. прил.) красноречиво свидетельствуют о том, что к XVII в. хлебопашество бурят на западном берегу оз. Байкал было повсеместным. Согласно этим сведениям, буряты сеяли ячмень, гречу, рожь, просо. Часть урожая оставляли на питание, остальное обменивали на пушнину у соседних таежных народов, с которыми шла активная меновая торговля. Эти факты в 1772 г. И. Г. Георги убедительно подтвердил объективными цифровыми данными, бла-

годаря которым в Европе признали наличие земледелия у скотоводов Азии, что позже констатировали Ренье и Фр. Ланганс [39, с. 7].

Но мнение и дореволюционных российских, и советских ученых было иным. Наиболее близкой к истине считалась точка зрения Карла Риттера, высказанная еще в конце XIX в. («Землеведение Азии», 1897), о том, что начало плужного земледелия бурят относится к 70-м гг. XVIII в. Этот вывод поддерживали Ф. А. Кудрявцев, Е. М. Залкинд и др. [21, с. 116]. Характеризуются эти выводы еще и тем, что объединялись данные по разным ландшафтными зонам, что свидетельствует о незнании географических особенностей региона. Так, есть факт о тайше Иринцеве, люди которого не имели сошников, серпов и семян на посев хлеба, поэтому просили помощи «за счет казны» [21, с. 115]. Но, как известно, легендарный тайша Иринцев являлся тайшой хоринских бурят, расселенных в Забайкалье, где преобладают малоплодородные почвы, и земледелие в этих краях действительно появляется с приходом русских. Как видим, здесь приведены факты, относящиеся к другой территории, которые, бесспорно, не имеют отношения к Предбайкалью и по этой причине являются необъективными. Кроме того, Е. М. Залкинд, выдающийся исследователь Сибири, считал, что 1) кочевой образ жизни несовместим с развитым хлебопашеством; 2) упоминания о земледелии бурят после 40-х гг. XVII в. отсутствуют; 3) зернопроизводство аборигенов было примитивным и неспособным конкурировать с передовым русским, которое базировалось на применении плуга и другого сельскохозяйственного инвентаря [40, с. 39]. При этом тогда уже было известно, что у близких соседей бурят, енисейских кыргызов, не просто плужное, а орошаемое земледелие со сложными ирригационными системами практиковалось еще со времен Кыргызского государства (VI–XIII вв.) [23, с. 39; 28, с. 73]. Также необходимо учитывать, что, по данным археологов, территории современных Иркутской области и Красноярского края принадлежали одной историко-культурной общности [31, с. 50]. О хлебопашестве других соседей бурят, тувинцев, в 1972 г. писал С. И. Вайнштейн, раскрывая в своей монографии уникальный образец кочевого земледелия, расположенного в гористой местности. Оно характеризовалось очень сложной, но отлаженной системой многокилометровых поливных каналов и акведуков, практикой длительного хранения зерна в кувшинообразных шурфах и т. д. [7].

В 2000 г. вышла диссертационная работа В. А. Михайлова «Земледелие западных бурят в XVII — начале XX в.». Сегодня этот единственный обобщающий труд по данной теме, внесший значительный вклад в региональную этнографию, остается малоизвестным. На большом фактологическом материале автор опровергает концепцию Е. М. Залкинда, выявив самостоятельный характер хлебопашества на западном берегу Байкала, его отличие от русского, прежде всего, по технологическим процессам, инвентарю, полеводческим циклам и т. д. [39, с. 12]. Кроме того, включив в территориальные рамки своей работы всю этническую Бурятию с ее восточными регионами и в качестве сопоставительного примера изучив смежные с ними области (места расселения баргутов, байырку, курыкан, хунну, дауров), автор таким образом корни земледелия считает местными и относит ко времени хунну, к эпохе ранних кочевников Юго-Восточной Сибири. По его мнению, Предбайкалье испытывало одновременное влияние Востока и Запада [40, с. 34, 62, 21]. Но изучение земледельческой терминологии следом за бурятскими лингвистами восточное воздействие не подтвердило, автор отмечает

«крайне незначительное влияние» монгольского языка на бурятскую пашенную лексику [40, с. 85]. Отсутствие результата, на наш взгляд, можно объяснить, прежде всего, ограниченностью источниковедческой базы того периода, а также тем, что в целом в бурятоведении лексические аналогии в отношении культуры бурят Предбайкалья традиционно проводились с монгольскими, а не с тюркскими языками. Между тем известно, что элементы именно тюркской культуры являются главенствующими почти во всех важных составляющих западно-бурятской системы жизнеобеспечения [35, с. 7]. Также следует подчеркнуть, что до сих пор вне внимания исследователей остается географический фактор, а именно изолированность региона, закрытого с востока водами Байкала, с юга — горной грядой Саян. Это свидетельствует о его малодоступности и, следовательно, ограниченности или даже отсутствии путей сообщения с востоком до прихода русских [34, с. 23]. По этой причине население Предбайкалья с древности имело культурное взаимодействие с западом через северный лесостепной коридор. По нему были проложены торговые пути. И если народы Саяно-Алтая подверглись широкомасштабным военным вторжениям хунну, а затем и монголов, то Предбайкалье этого избежало. Несомненно, все по той же причине природной огражденности. Итак, работа В. А. Михайлова в целом достоверно раскрывает самобытность западно-бурятского хлебопашества, обоснованно убеждая в том, что восточного влияния на него не было. Кроме того, не установлены его главные очаги, но, возможно, автор не ставил перед собой такой задачи.

Об особенностях локальных земледельческих традиций непосредственно аларских бурят писали П. П. Баторов (его записи 1925 г. до сих пор не опубликованы), Ж. А. Зимин (1993, 2004). В 2011 г. Д. М. Маншеев рассмотрел состояние локальной отрасли в XIX в. Здесь он впервые отмечает, что земледелие в Предбайкалье было порождением Тюркского каганата, поддерживалось политикой древних государств и трудом согдийских колоний [33, с. 17]. Также автор, касаясь тезиса Е. М. Залкинда о прекращении земледелия бурят в середине XVII в. и его медленном восстановлении в следующем столетии, справедливо подчеркивает, что умалчиваются истинные причины прекращения: военная колонизация земель, насилие, применяемое к местному населению и т. д. «Ведь земледелие невозможно в условиях» войны, происходящей на территории проживания этноса [33, с. 18]. Согласимся здесь, что не везде и не всегда в тех условиях удавалось пахать и сеять хлеб, но тем не менее укоренившиеся с древности традиции земледелия все же полностью не исчезли, о чем свидетельствует хронология приведенных нами данных (см. прил.).

Вместе с тем вышеизложенные работы, видимо, остались незамеченными: в изданном в 2011 г. II томе «История Бурятии (XVII — начало XX в.)» по-прежнему преобладает версия Е. М. Залкинда [20, с. 27]. Придерживаются этого мнения и иркутские ученые. Так, в 2014 г. А. М. Курышов, справедливо отметив, что земледелие у бурят Предбайкалья было, скорее всего, частью их комплексного скотоводческо-земледельческого охотничьего хозяйства, делает неожиданный вывод: «с точки зрения агрогеографии» они занимались хлебопашеством только потому, что жили в крае с подходящими природными условиями и древними земледельческими традициями, и в связи с этим их аграрные занятия не носят этнический характер [27, с. 571]. С данным выводом и другими положе-

ниями статьи сложно согласиться, поэтому обратимся к признанным в науке мнениям. Так, Ю. В. Бромлей считал, что саму специфику хозяйственно-культурного типа, тесно сопряженную с этническими общностями, следует рассматривать как этническую независимо от того, как она выражалась в разные периоды его существования [6, с. 123]. И далее он признавал, что уровень «социокультурного развития» любого этноса определяется характером производства и культурой потребления как материальных, так и духовных ресурсов [6, с. 430]. Кроме того, ученый обращал внимание на антиэтническую тенденцию, приверженцы которой стремятся принизить или «размыть» этнические особенности и самобытность [Там же]. В вопросе о месте и роли агроэтнографии важным считается и тезис Н. И. Вавилова о том, что культура полей не отделяется от общей культуры народа [26, с. 3]. Среди новейших данных нельзя обойти вниманием следующие факты: в 2022 г. в своем интервью «Восточно-Сибирской правде» один из ведущих историков региона Л. М. Дамешек говорит, что бурят к земледелию «приучили» русские. «Земледелие — это принципиально новый момент в практике хозяйственной жизни коренного населения» [42]. Также в обновленной версии «Истории Усть-Ордынского Бурятского округа» (2024) по-прежнему актуальными остаются дореволюционные выводы Карла Риттера и концепция 1970 г. Е. М. Залкинда [23, с. 131]. И если выводы Риттера и Залкинда еще можно объяснить отсутствием источников, то взгляды по озвученной теме некоторых исследователей постсоветского периода, по нашему мнению, ничем не обоснованы, а значит, необъективны. Следовательно, дискуссионное отношение к западно-бурятскому земледелию остается сегодня устойчивой тенденцией. В связи с этим, существует необходимость во всестороннем дополнительном исследовании нераскрытых аспектов проблемы, в частности, отдельного изучения заслуживает главный локальный очаг — территория Алари.

Географические условия Аларской долины

Рассматриваемый район характеризуется черноземными почвами, холмисто-равнинным ландшафтом, достаточно высоким снежным покровом, а в летний период — обилием солнца и своевременными дождями. Таким образом, обеспечивается полный вегетационный цикл развития зерновых и других сельскохозяйственных культур [10]. Земли здесь самые плодородные в Байкальском регионе и с древности были освоены бурятами, которые в связи с этим вели оседлый образ жизни. И. Идес отмечал, что в отличие от тунгусов и других язычников «буряты не кочуют» [18, с. 77]. Одна кочевка на летние пастбища у аларских бурят диктовалась только необходимостью оградить от скота приусадебные окультуренные сенокосные угодья (*утуги*) и посевы близ поселений.

Земли Алари с XVII в. были причислены царской администрацией к Балаганскому округу, затем к Балаганскому уезду, а с 1824 г. к Аларской степной думе. Изучение Россией производительных сил Иркутской губернии началось летом 1865 г. в соответствии с постановлением Статистического комитета с исследования ее самых «хлебородных» частей — Иркутского, Балаганского и части Нижнеудинского и Верхоленского округов. В 1866–1867 гг. уже изучался преимущественно только Балаганский округ, признанный житницей «губернии во всех отношениях» [29, с. 17]. В 1881 г. почвы округа исследовал Н. Н. Агапитов, который особо отметил присутствие чернозема [3]. Согласно

нашему анализу именно из-за ресурсного потенциала в изучаемом районе с начала XVIII в. произошли трансформационные изменения в экономике и соответственно традиционной системе жизнеобеспечения бурят. Так, из-за роста плотности населения маршрут Московского (Главного Сибирского) тракта изменился в сторону Алари, затем параллельно ему была проложена и Транссибирская железнодорожная магистраль [34, с. 24]. Появление логистических центров ознаменовало промышленное развитие и возникновение городов на границах рассматриваемой нами территории, которая в будущем окажется в непосредственной близости от основного экономического кластера региона. Позже и советская экономика области основным своим земледельческим ресурсом признавала производительные силы аларских лесостепей.

Истоки западнобурятского земледелия

Земледельческая культура в Южную Сибирь, по данным археологов, была привнесена с запада волной восточных европеоидов в эпоху бронзы, в середине 3-го тысячелетия до н. э. (период первой раннеметаллической культуры). С этого времени начинает свое развитие древнейший центр земледелия в Северной Азии, в ареале распространения которого находилось Предбайкалье [27, с. 18]. О глубинных корнях хлебопашества на западном берегу Байкала свидетельствуют разные источники: археологические, фольклорные, лингвистические, исторические и др. Так, согласно древним китайским летописям на Северном море жил народ Царства вислоухих, который носил шапки с ушами для защиты от холода и питался просом [45, с. 25]. Курумчинская культура (предположительно VI–X вв. н. э.) традиционно включала земли Южного Приангарья (Аларскую долину в том числе), Верхоленья и побережья по обе стороны Байкала [45, с. 193]. Довольно высокий аграрный уровень в пределах исследуемого района представлен следующими археологическими памятниками: могильник Усть-Талькин на берегу Ангары, где были найдены прос обыкновенный, каменные жернова и «пест, предназначенный толочь зерно» [11, с. 44]; стоянка со следами земледелия, датированными ранним периодом (VI–XI вв.), на берегу оз. Аляты; посевные грядки, сохранившиеся на левой террасе Ангары в окрестностях улуса Балтуй, называемые местными жителями «китайскими» *хитаһы* [17, с. 104]. Возможно, это поселения и пашни киданей [22, с. 71]. Важные находки были обнаружены в Унгинском городище, по В. Е. Ларичеву, «Цитадели Полата (Болота)». В его культурном слое (конец XV — начало XVI в.) были найдены зерна проса, пшеницы, ячменя и конопли, чугунный сошник, шесть видов железных серпов, корнекопалки и каменные жернова, свидетельствующие о высоких урожаях [11, с. 44]. Кроме того, здесь наблюдается синкретизм двух культур: тюркской и среднеазиатской (из-за захоронения людей таджико-согдийского расово-этнического типа и их предметов быта) [45, с. 119]. Уместно будет добавить, что ранние источники подтверждаются множественностью современных сведений о давнем длительном проживании иранских племен в Южной Сибири (до середины 1-го тыс. н. э.), позже ассимилированных тюрками [9, с. 100; 31]. Как известно, возникновение хлебопашества предполагает прежде всего наличие в местности носителей земледельческой культуры, и только во вторую очередь — благоприятных географических условий [12, с. 12]. Особенно показательным в этом случае является пример соседней Тувы с ее

сложным, казалось бы, не пригодным для хлебопашества горным ландшафтом, но где тем не менее обнаруживается древнейшее уникальное поливное земледелие со множеством сложнейших многокилометровых оросительных сооружений [7, с. 177]. В 1860 г. А. Миддендорф отмечал простые, но рациональные устройства водоподъемных снарядов и водопроводов, которыми исстари пользовались буряты, киргизы, «трухменцы» и хивинцы по всей сухой плоской возвышенности Средней Азии. По его мнению, когда европейцы еще и не знали об искусственном орошении, они уже могли научиться этим технологиям у кочевников Азии [38, с. 694]. Как видим, в свете этих и других данных примитивным земледелие в Северной Азии считать никак нельзя, так как во многом оно было передовым.

К фольклорным источникам следует отнести прежде всего эпос «Гэсэр». Так, в самых архаичных эхиритских версиях не раз упоминается просо [1, с. 107, 112, 162]. В унгинской версии (аларский говор) фольклорный герой об увиденном участке земли говорит: «*Газар хахалхада, тарья хаяхада хайн газар гэжэ ханажа нуунам*» (досл.: вот сию и думаю, что это хорошая земля для того, чтобы пахать и сеять хлеб) [2, с. 46]. В других эпизодах аларского варианта речь идет о копалках и сошках, и о том, как Гэсэр, по воле злого волшебника превращенный в ишака, вспахивал каждый день по 300 десятин земли [40, с. 89]. Отмечены в бурятском эпосе и ветряные мельницы:

Галхин тээрмэ хэбэл даа. — Ветряную мельницу построили.

Галхин хайхан тээрмээр — На мельнице той ветряной красивой

Тээрмэдэн абаба. — Хлеб смололи [40, с. 96].

Старинные бурятские предания говорят о существовании в Аларской степи ирригационной системы земледелия. Согласно одному из них гора, у подножия которой рядом с пашнями были обнаружены остатки водопроводных труб-желобов — *сорго*, получила название *Сорготой*, т. е. гора с трубами [16, с. 13]. Также сельскохозяйственные традиции нашли широкое отражение в праздниках, песнях и ёхорных плясках, пословицах и поговорках, т. е. во всех видах и жанрах устного народного творчества аларских бурят. Влиянию земледелия на систему питания этнотерриториальной группы автором в 2019 г. было посвящено специальное исследование [34].

Обращает на себя внимание и сельскохозяйственная лексика аларских бурят. На сегодня нами собрано 80 сельскохозяйственных лексических единиц, свидетельствующих об автохтонности отрасли. В ближайшее время глоссарий будет опубликован, поэтому в данной статье для наглядности мы представляем лишь некоторые из них: рожь *хара тарьян*; яровая рожь *хабарай тарьян*; озимая рожь *намарай тарьян*; пахать *хахалха*; гречиха *хурлы*, *хурилы*; борона *дагнуур*; сноп *боодолго*; вязать снопы *боодолго боохо*, *тарья боохо*; вязка снопов *боолго*; копны хлеба *тарьяни бухал*; хлеба зацвели *тарьян шандаруулаа*; овин *ладоон*; стерня *ходоогонно*; дерн *хэрхэн*; головня (болезнь зерновых) *харансаг*; процесс разопревания зерна *тарьян халажайна* и *халаа*; разопревшее зерно *тарьян буртаа* и т. д. Об аграрном опыте аларских бурят, сложившемся в результате многолетних визуальных наблюдений, и их традициях распределять земли по категориям показательно свидетельствуют следующие термины: залежные земли *сорон газар*; скудные земли *тэсэн газар*; укрытые земли, т. е. защищенные лесом горой от

ветров, *хоргуу хазар*; вспаханные земли *хахалхан газар*; пары *бэлдээн газар* и др. По нашему мнению, именно в Алари, ведущем очаге бурятского земледелия, возникло и затем распространилось среди бурят слово *талхан* — мука, произошедшее от тюркского *толкан* толченый ячмень. Терминология также свидетельствует об общих истоках земледельческих традиций западных бурят, татар, хакасов, тувинцев и других сибирских тюрков. Так, ячмень — бур. *арбай* в той же форме существует у хакасов, телеутов, татар, тувинцев; сеять — бур. *тариха*, зерно — бур. *таряан*, мельница — бур. *тээрмэ*, плуг — бур. *анзаһан*, серп — бур. *хадуур*, *хажуур* во многих сибирских тюркских языках представлены в различных фонетических вариантах [36, с. 378]. Эти термины еще в IX–X вв. употреблялись огузскими и кимако-кыпчакскими племенами и сохранились в словарях [4]. Отметим, что сходство обнаруживается не только в названиях сельскохозяйственного инвентаря, но и в их конструкциях. Так, плуг аналогичен киргизскому, туркестанскому, афганскому и некоторым другим пахотным орудиям Средней и Центральной Азии, генетически ничем не связанным с китайскими [7, с. 168, 177]. В. А. Михайлов в своей работе достаточно подробно рассмотрел земледельческий инвентарь. М. Н. Богдановым была зафиксирована бурятская инвентарная лексика, по его мнению, предположительно монгольского происхождения: рассоха *хото*, крюк *уртехен*, отвал *хаялга* [5, с. 295]. Но это предположение было опровергнуто В. А. Михайловым. Обнаруживается, что монгольская аграрная лексика, как и бурятская, имеет тюркское происхождение.

Земледелие аларских бурят во II половине XIX — начале XX в.

Конец XIX — начало XX в. характеризуется довольно высоким уровнем развития отрасли. М. М. Геденштром отмечал, что западные буряты (аларцы, балаганцы, идинцы и кудинцы) давно занимаются земледелием, а вот скотоводством не столь значительно [8]. В 1840 г. на душу населения в Аларском ведомстве приходилось по десятине на одного бурята, в Идинском — $\frac{3}{4}$ десятины, в Кудинском и Верхоленском — по $\frac{1}{2}$ десятины с долями, в Балаганском и Китойском — около $\frac{1}{2}$ десятины [43, с. 35]. К XIX в. посевные площади расширились из-за растущей потребности на зерновую продукцию: если в 1840 г. в Аларском ведомстве было засеяно 7 583 дес. (яровой и озимой) земли, то к 1851 г. — 8 675 дес. Известно, что по размерам посевов аларцы занимали лидерские позиции среди всех групп бурят: сбор зерна у них был высоким и в начале 1840-х гг. превышал 4 четверти на душу населения [33, с. 20]. По данным 1854 г., они выращивали рожь, ярицу, овес, пшеницу, гречку, просо, коноплю, а на огородах для собственного потребления заимствованные у русских картофель, капусту, репу, редьку, морковь, лук [19, с. 65].

В зажиточных хозяйствах в левобережье Ангары в этот период товарное производство зерна было основным направлением. В Балаганском уезде больше всего было бурят-хлебопашцев: их число достигало $\frac{2}{5}$ всего местного земледельческого населения.

Таблица 1

Соотношение культур, возделываемых в Аларском ведомстве¹

Культура	Посеяно к 1849 г., четвертей	Урожай 1849 г., четвертей
Рожь (озим.)	3 753 (43,63%)	9 945 (44,54%)
Рожь (яров.)		8 220 (36,82%)
Пшеница		847 (3,79%)
Овес	4 848 (56,37%)	2 010 (9,00%)
Ячмень		765 (3,43%)
Гречиха		541 (2,42%)
Итого		22 328

Таблица 2

Распределение земледельцев по уездам Иркутской губернии в 1897 г. [43, с. 57]

Уезд	Всего бурят душ обою пола	В том числе бурят- земледельцев	Последние, в %
Иркутский	30 835		2
Балаганский	51 828		7
Верхотенский	24 595		.
Нижеудинский	1 537		
Итого	108 795		

В целом по Иркутской губернии в 1868 г. во главе земледелия, т. е. и по количеству запасек, и по количеству хлебопашцев, на первом месте находились буряты, составлявшие треть населения. Самым производительным по количеству хлеба и его продаже (до 10% всего урожая) был Балаганский округ [29, с. 41, 55, 68]. В том же году на публичной выставке в Иркутске в развитии земледелия отмечались достижения бурят, у которых к тому времени техники было уже значительно больше, чем у русских. А. И. Термен вспоминал, что буряты, принимаясь за новую для них деятельность в хозяйстве, всегда добивались лучших результатов по сравнению с местными русскими [44, с. 94]. По материалам Н. А. Бестужева, в регионе настоящими кормильцами хлебом считались иркутские буряты, чего нельзя было сказать о бурятах забайкальских и сибиряках-старожилах [48, с. 17].

В Аларском ведомстве, по данным 1905 г., на одно бурятское хозяйство приходилось 13,6 десятины. Для сравнения в соседних русских волостях: в Че-

¹ НАРБ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 62. Л. 39 (об).

ремховской — 13,4; Заларинской — 12,3; Зиминской — 11 десятин [15, с. 63]. По справедливому замечанию М. Богданова, развитие отрасли в тот период полностью зависело от обеспеченности хозяйства тягловыми животными. Изучая земледелие инородцев Енисейской губернии, он сравнивал его с местным крестьянским хлебопашеством и указывал на прямую зависимость производительности пашен и размера запасов от размеров скотоводства [40, с. 126]. Аларские буряты — крупнейшие производители зерна в Иркутской губернии, одновременно успешно развивали скотоводство, в котором в силу особенностей природных условий основной тягловой силой были волы. Балаганский округ, занимая лучшие земли по губернии, был лучшим и по скотоводству [30, с. 69]. В отличие от русских переселенцев скотоводство было важным фактором стабильности земледелия у аларских бурят.

По данным комиссии Куломзина (конец XIX в.), хорошо удобренная навозом земля давала неплохие урожаи года 2–4, повышая урожайность на 200–250%. Применяли такой метод главным образом буряты и поэтому пашни у них были в 2–2,5 раза меньше, чем у соседних русских крестьян. Экономическая выгода метода была налицо, но русские не перенимали полезный опыт. Краевед Н. Шукин выражал сожаление по этому поводу: надо бы брать пример и распространить по всему краю, а то у крестьянина отговорка: «как ни хитри, а если бог не дает урожая, то все напрасно» [40, с. 133]. Думается, что применение навоза в агрокультуре бурят как экологическая традиция требует отдельного изучения.

На протяжении веков аларские буряты выработали свой комплексный хозяйственный цикл, учитывающий потребности всех отраслей: земледелие, скотоводство, охота и т. д. В связи с этим полевые работы обычно проводились позже на 5–10 дней, чем у русских крестьян. Главный ориентир — собственный полеводческий календарь — в основном совпадал с христианскими праздниками: Еремеев, Николин, Петров и Покров дни. Согласно ему хлебоуборку и русские, и буряты заканчивали одинаково к Покрову, но сроки сева отличались: русские хлебопашцы, выходцы из европейских губерний России, ориентировались на Егорьев и Еремеев дни [15, с. 72]. А буряты сеяли в зависимости от погодных условий: у них были приметы, проверенные временем и опытом. Так, весной они специально ездили к реке Голуметь посмотреть на тальник. Если сначала начинали распускаться его верхние листья, то сеяли рано, если в середине, то с посевом не спешили, а если распускающихся листьев было больше внизу, то сев был поздним. Дружный листопад осенью предвещал теплую весну и ранний сход снега, а значит, ранний сев; обилие снега зимой на крыше означало хорошую озимь, если же его сдувало ветром — плохую¹. Ориентировались и на полевые цветы: множество белых подснежников весной обещало засушливое лето; доминирование синих — дождливое и т. д. Следили аларцы и за прилетом птиц: прилет журавлей раньше гусей — к раннему инею и снегу. Также у них бытовал любопытный способ для определения начала пахоты: в поле проводили сохой первую борозду, затем садились на нее голой задней частью тела и закуривали трубку. Если, сидя на борозде, успевали выкурить всю трубку, можно было приступить к севу. Если холод не позволял долгого сидения, то от пахоты воздержи-

¹ ЦВРК ИМБТ СО РАН. Фонд П. П. Баторова. Ф. 26. Оп. 3. Д. 134. Л. 14.

вались¹. Такой метод практиковался и у хакасов [46, с. 188]. Участки под посевы культур подбирались с учетом ландшафтных особенностей, продуманными были и сроки их засеивания. По двухрядному пару в конце первой декады мая сеяли яровую рожь, затем по трехрядному — пшеницу. После начинался сев овса по весновспашке, т. е. по вспаханной стерне озимой ржи. В низинах на хороших почвах типа чернозема размещались двухрядные пары, морозоустойчивые рожь и овес, на суглинистых почвах — трехрядные [15, с. 72]. Уборка начиналась после сенокоса, в конце августа — начале сентября, с косовицы ячменя и овса. Затем приступали к жатве ржи и пшеницы. Сжатый хлеб связывался в снопы и складывался в копны. До Покрова дня хлеб в арбах с высокими задними и передними стенками вывозили на усадьбу. Полевые работы на этом заканчивались. С наступлением холодов начиналась молотьба. На зерновом току, расположенном на *утуге*, заливали водой выровненную площадку и вручную молотили снопы цепями, позднее молотильной машиной. Солому складывали в зароды [15, с. 72]. Зерно провеивали деревянными лопатами, убирали в амбары, откуда частями вывозили на мельницу.

Мельницы были конные, ветряные, но в основном водяные. В 1845 г. в Аларском ведомстве было 10 водяных мельниц, в основном на реках Иреть, Малая Белая и Голуметь [19, с. 25]. Известно, что на мельницах Балаганского округа перемалывалась почти половина всего суточного количества хлеба по губернии [29, с. 197]. В 1869 г. в Балаганском и Аларском ведомствах имелось 45 водяных мельниц. Позже согласно подворной переписи 1887–1889 гг. только в двух ведомствах, Иркутском и Балаганском, действовала уже 141 мельница. Все они принадлежали зажиточным бурятам [40, с. 99]. Нигде в Иркутской губернии хлеб не продавали в зерне, как это делали русские крестьяне Поволжья. Несомненно, это было выгодно, так как плата за помол оставалась в самой местности [3, с. 17]. На мельницы съезжались бурятские и русские крестьяне со всего Приангарья. Дождаясь своей очереди, люди жили на мельницах по 10–12 дней. Практика выездов на мельницы у аларских бурят сохранялась и в советское время, вплоть до распада СССР, но уже в менее значительных масштабах, и диктовалась зависимостью от работы в колхозах и совхозах. Обычно выезжали вечером, объединившись семьями, чаще кровно-родственными группами *ураг*, погрузив в сани мешки с зерном. К утру возвращались груженные мукой и отрубями.

Земледелие в Алари в советский и постсоветский периоды

С приходом советской экономики самобытный характер бурятского земледелия, в котором ранее начались изменения в связи с землеотводными и землеустроительными реформами и появлением сельскохозяйственной заводской техники, был окончательно утрачен. Земледельческая направленность экономики в Алари в этот период была подтверждена и значительно расширена. Именно усилиями советских властей в полной мере были использованы ресурсы плодородного черноземья. Под зерновые распахивались все удобные земли, в результате сельчане лишались пастбищ и сенокосных угодий. Если в Усть-Ордынском округе все районы специализировались на животноводстве, то в Алари хозяйства были зерносовхозами, где средний показатель урожайности доходил до 23–24, а

¹ ЦВРК ИМБТ СО РАН. Фонд П. П. Баторова. Ф. 26. Оп. 3. Д. 134. Л. 14.

в благоприятные годы до 30 ц с гектара [13]. В соседней Унгинской долине, к примеру, сеяли в основном кормовые культуры.

В постсоветское время Аларская долина остается житницей Предбайкалья, несмотря на то, что пахотный фонд значительно сократился в связи с распадом Советского Союза и связанными с ним последствиями. По производству зерна Аларский район по-прежнему входит в первую тройку территорий в Иркутской области: 40–50 % зерновых по Усть-Ордынскому округу и 20–30 % в целом по области [33, с. 378]. Земли в районе в основном паевые, отрасль находится в руках крестьянско-фермерских хозяйств и сельхозпредприятий. Земледельческая деятельность, длительное время занимая в традиционной экономической модели приоритетные позиции, не могла не оказать непосредственное влияние на формирование у коренного населения особого менталитета, отличающегося от мировосприятия кочевника. Как известно, психологияномада отрицательно относилась к стационарности, как к оскорбляющей самолюбие свободного скотовода. Она ограничивала использование технологических новшеств в хозяйстве [24, с. 59, 63]. Земледелие же как производящее хозяйство было более открыто для новаций.

Заключение

Таким образом, вышеизложенный материал дает право сделать следующие выводы: земледелие в Аларских степях как важнейший очаг автохтонной аграрной культуры Предбайкалья возникло в эпоху бронзы, в середине третьего тысячелетия до нашей эры. Его появление и дальнейшая эволюция были обусловлены прежде всего присутствием в субрегионе носителей земледельческой культуры среднеазиатского происхождения и обеспеченным агроклиматическим территориальным потенциалом повышенного уровня. Именно почвенный ресурс стал катализатором возникновения трансформационных и модернизационных изменений в системе жизнеобеспечения аларцев, а земледелие — основой их многоотраслевого хозяйства. Достаточно высокую степень его развития отражает целый комплекс эмпирических знаний: во многом передовые самостоятельные способы и средства производства, терминология, локальный аграрный календарь, непрерывное потребительское и торговое значение. Самобытность бурятского земледелия начала утрачиваться в конце XIX — начале XX в. в связи с модернизационными процессами. Ими обусловлены высокие достижения и товарное направление отрасли в период становления восточносибирского рынка и ее последующее динамическое развитие. Для советского периода характерно использование черноземного ресурса территории в полном объеме. В целом же приоритетная роль хлебопашества как производящего направления на протяжении веков в структуре традиционной экономики аларских бурят стала стимулятором их умения адаптироваться и к традиционному этноландшафту, оказавшим решающее влияние на развитие всей системы жизнеобеспечения, и к последующим систематическим преобразованиям.

*Хронология ранних сообщений первых русских первопроходцев
и иностранных путешественников о бурятском земледелии*

1-я половина XVII в.

1625 г. Атаман Василий Тюменец со слов тунгусов доносит Якову Хрипунову, енисейскому воеводе, что на Братской земле, что рядом с Китайским государством, много пашенных людей — «20 тыс. на конь садитца» [41, с. 32].

1626 г. Подьячий Максим Перфирьев, посетив бурят вверх по Ангаре, писал, что они «люди сидячие», сеют ячмень и гречу [41, с. 32].

1631 г. Эвенки рассказали служилым людям на р. Куленга (левый приток Верхней Лены) о своих продажах бурятам соболей в обмен на «животину и просо» [25, с. 28].

1640 г. Атаман Курбат Иванов писал в «Чертежной росписи притоков Лены» о братских людях, выращивающих просо по берегам Усть-Онги, которое они видели у князца Можеуля [40, с. 34]. Также отмечено, что просо растет и у братских острова Ойхон [16, с. 35].

1641 г. Люди пятидесятника Мартына Васильева сообщали, что просо выращивают и «люди неясачные», живущие на реке Куда, что «между Леною и Ангарою» [40, с. 36].

1645 г. Курбат Иванов пишет, что у Братцкого острога много пашенных и сенных мест, а в верховьях реки Лена, «на Тутуре и на Орлинге» — посева хорошей ржи [40, с. 36].

XVII в. Дополнения к актам историческим, т. II, № 91, в которых сообщается о посевах проса у братских людей на Ангаре... [25, с. 27].

2-я половина XVII в.

1651 г. Служилый человек М. Телицын писал в челобитной в Сибирский приказ о «братских сидячих людях» на верхней Лене, об их пашенных и сенокосных местах [40, с. 48].

1654 г. В документах о постройке Балаганского острога енисейский воевода Афанасий Пашков упоминает братских ясашных крестьян, которые «без найму» на реке Унге строили мельницу с «енисейскими служилыми людьми» [40, с. 58, 59].

1658 г. В конце года состоялся массовый побег унгинских и осинских бурят от насильственных действий Ивана Похабова. После их ухода преследователи обнаружили по реке Унга просяные поля [41, с. 107].

1660 г. Максим Ртищев, енисейский воевода, сообщил в Сибирский приказ о том, что из-за зверств И. Похабова буряты ушли к монголам. Ему об этом донесли енисейские служилые люди, а также *братцкие пашенные* крестьяне и верхоленские братцкие [40, с. 59].

1688 г. Иркутская приказная изба отправляет указ хонгодорскому инородцу Ангарских степей Бахаку Ирбанову, вернувшемуся из Монголии, предписывающий огораживать сенокосные и просяные поля [5, с. 132].

1692 г. Н. К. Витсен в книге «Северная и Восточная Татария» пишет, что в Иркутской губернии хорошую рожь выращивают от Иркутска до самого Верхоленска. Эти места были заселены булагатами и эхиритами. Русские крестьяне в местном хлебопашестве конца XVII в. еще не играли никакой роли [40, с. 49].

1693 г. Э. И. Идес также отмечает изобилие зерна в Верхоленье, которым недорого бесперебойно обеспечивалась вся Якутия [40, с. 60].

Источники

НАРБ — Национальный архив Республики Бурятия.
ЦВРК ИМБТ СО РАН. Фонд П. П. Баторова — Центр восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук.

Литература

1. Абай Гэсэр хүбүүн. Эпопея. Эхирит-булагатский вариант. Ч. 1. Улан-Удэ: Тип. Мин. культуры БурАССР, 1961. 232 с.
2. Абай Гэсэр хүбүүн. Ошор Богдо и Хүрин Алтай. Ч. 2. Улан-Удэ: Тип. Упр. по печати при Совете Министров БурАССР, 1964. 230 с.
3. Агапитов Н. Н. К вопросу о происхождении чернозема // Изв. ВСОРГО. 1881. Т. IX, №. 3–4. С. 16–17.
4. Башганник С. В. Взаимодействие оседло-земледельческих и кочевых сообществ в средневековом Южном Казахстане. URL: <http://izvestia.asu.ru/2010/4-1/hist/TheNewsOfASU-2010-4-1-hist-06.pdf> (дата обращения: 20.01.2024).
5. Богданов М. Н. Очерки истории бурят-монгольского народа. Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2008. 303 с.
6. Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса / послесловие Н. Я. Бромлея. Изд. 2, доп. Москва: Изд-во ЛКИ, 2008. 440 с.
7. Вайнштейн С. И. Историческая этнография тувинцев. Москва: Наука, 1972. 314 с.
8. Геденштром М. М. Отрывки о Сибири. Санкт-Петербург: Тип. Мед. департ. М-ва внутр. дел, 1830. 166 с.
9. Гоголев А. И. Этногенез якутского народа // Этногенез и культурогенез в Байкальском регионе (средневековье): монография. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2010. С. 90–110.
10. География Усть-Ордынского Бурятского автономного округа: учебное пособие / Г. В. Грудинин, С. Н. Коваленко, Г. Ф. Орел [и др.]. Иркутск: Изд-во Иркут. гос ун-та, 1997. 318 с.
11. Дашибалов Б. Б. Байкальская Сибирь в средние века. Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 1997. 68 с.
12. Дробышев Ю. И. Человек и природа в кочевых обществах Центральной Азии (III в. до н.э. — XVI в. н. э.). Москва: Изд-во Института востоковедения РАН, 2014. 608 с.
13. Ермаков // По заветам Ленина. № 123. 1975. 11 окт.
14. Залкинд Е. М. Общественный строй бурят в XVIII — первой половине XIX в. Москва: Наука, 1970. 400 с.
15. Зимин Ж. А. Аларь: история и современность. Кн. 1. Аларь — родная колыбель. Улан-Удэ: Изд.-полиграф. комплекс ВСГАКИ, 2004. 204 с.
16. Зимин Ж. А. История Аларского района. Иркутск: Иркутская обл. тип., 1994. 70 с.
17. Зимин Ж. А. К вопросу о выходе хонгодоровских родов из Монголии и их расселении в Алари // Этнические и историко-культурные связи монгольских народов. Улан-Удэ: Изд-во БФ СО АН СССР, 1983. С. 102–113.
18. Идес И., Бранд А. Записки о русском посольстве в Китай (1692–1695). Ч. 1. URL:<http://vostlit.narod.ru/Texts/rus5/Ides/text1.htm?ysclid=lghi99tr5e931696241> (дата обращения: 20.01.2024).
19. История Аларской степной думы в документах Государственного архива Республики Бурятия (1824–1889 гг.) / составители Б. Ц. Жалсанова, Л. В. Курас. Иркутск: Отгиск, 2015. 352 с.
20. История Бурятии: в 3 томах. Т. 2. XVII — начало XX в. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2011. 624 с.
21. История Усть-Ордынского Бурятского автономного округа / под редакцией Л. М. Дамешека, М. П. Труфанова. Москва: Прогресс, 1995. 544 с.

22. История Усть-Ордынского Бурятского округа. Западные буряты в эпоху древности и Средневековья, в составе России, СССР, Российской Федерации. Иркутск: Издательский дом Байкал. гос. ун-та, 2024. 620 с.
23. Котожеков Г. Г. Культура народов Саяно-Алтайского нагорья: учебное пособие. Абакан: Хакас. кн. изд-во, 1992. 192 с.
24. Крадин Н. Н. Кочевые общества (проблемы формационной характеристики) / Ин-т истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. Владивосток: Дальнаука, 1992. 240 с.
25. Кудрявцев Ф. А. История бурят-монгольского народа. Улан-Удэ: Нова-Принт, 2020. 400 с.
26. Кулумбегов Р. П. Традиционное земледелие горной Осетии: диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Владикавказ, 2015. 22 с.
27. Курьшов А. М. Культура земледелия у западных бурят: факторы распространения и их значимость // Историко-экономические исследования. 2014. Т. 15, № 3. С. 567–584.
28. Кызласов Л. Р. История Хакасии с древнейших времен до 1917 года. Москва: Наука, 1993. С. 8–35.
29. Ларионов Д. Д. Цифры инородческого населения Иркутской губернии и несколько замечаний об их настоящем положении // Записки и труды Иркутского губернского статистического комитета. Вып. 4. Иркутск: Тип. Н. Н. Сеницына, 1868–1869 гг. 190 с. (дата обращения: 20.12.2023).
30. Ларионов Д. Д. Очерк экономической статистики Иркутской губернии. Статистика сельскохозяйственная / Иркутский губернский статистический комитет. Иркутск: Тип. Н. Н. Сеницына, 1870. URL: <https://elib.rgo.ru/handle/123456789/232062> (дата обращения: 20.12.2023).
31. Ларичев В. Е. Мудрость змеи: Первобытный человек, Луна и Солнце. Москва: Наука, 1989. 92 с.
32. Малолетко А. М. Древние народы Сибири. Этнический состав по данным топонимики. Т. 3. Докаганатские тюрки. Томск: Изд-во ТГУ, 2004. 292 с.
33. Маншеев Д. М. Земледелие аларских бурят в XIX веке // Историко-экономические исследования. 2011. Т. 12, № 1. С. 17–29.
34. Махачкеева Г. В. Влияние земледелия на систему питания в Предбайкалье во 2-й половине XIX — 1-й половине XX в. на примере аларских бурят // *Oriental Studies*. 2019. Т. 12, № 3. С. 378–389.
35. Махачкеева Г. В. Географический фактор и его влияние на формирование и развитие традиционного хозяйства аларских бурят // *Вестник ВСГИК*. 2023. № 3 (27). С. 22–31.
36. Махачкеева Г. В. К вопросу о бытовании войлочных юрт в Предбайкалье // *Вестник ВСГИК*. 2022. № 3 (23). С. 5–12.
37. Махачкеева Г. В. Тюркизмы в аларском говоре бурятского языка // Байкальские встречи-X: культурная память и культурная идентичность в условиях глобализации: материалы междунар. науч. конф. Улан-Удэ: Издательско-полиграфический комплекс ВСГИК, 2018. С. 374–382.
38. Миддендорф А. Ф. Путешествие на Север и Восток Сибири: в 2 частях. Ч. 1. Санкт-Петербург: Тип. Акад. наук, 1860–1869. 534 с.
39. Михайлов В. А. Земледелие западных бурят в XVII — начале XX века: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Улан-Удэ, 2000. 24 с.
40. Михайлов В. А. Земледелие западных бурят в XVII — начале XX века: диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Улан-Удэ, 2000. 190 с.

41. Окладников А. П. Очерки из истории западных бурят-монголов (XVII–XVIII вв.). Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2013. 390 с.
42. Переломова Ю. Лев Дамешек: «Буряты прошли удивительную историю развития» — ВСП.RU // Восточно-Сибирская правда. 2022. 30 авг.
43. Серебренников И. И. Буряты, их хозяйственный быт и землепользование. Верхнеудинск: Бурят-Монг. изд-во, 1925. 226 с.
44. Термен А. И. Среди бурят Иркутской губернии и Забайкальской области: очерки и впечатления. Санкт-Петербург: Тип. М-ва вн. дел, 1912. 144 с.
45. Тиваненко А. В. Древние святилища Восточной Сибири в эпоху раннего средневековья. Новосибирск: Наука, 1994. 150 с.
46. Тюркские народы Сибири / ответственные редакторы Д. А. Функ, Н. А. Томилов. Москва: Наука, 2006. 678 с.
47. Харинский А. В. Курумчинская культура Прибайкалья в свете новых археологических данных // Этногенез и культурогенез в Байкальском регионе (средневековье). Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2010. С. 191–205.
48. Чимитдоржиев Ш. Б. Кто мы — бурят-монголы // История. Культура. Политика. Бурядайд түүхэнээ. Изд. 3. Улан-Удэ: Бальжинимаев А. Б., 2012. 384 с.

Статья поступила в редакцию 02.03.2026; одобрена после рецензирования 10.03.2026; принята к публикации 24.03.2026.

TRADITIONAL AGRICULTURE OF THE ALAR BURYATS

Galina V. Makhachkeeva

Cand. Sci. (Hist.), Independent Researcher
24-11 Mokrova St., 670042 Ulan-Ude, Russia
ecoprint@inbox.ru

Abstract. The study of Buryat agriculture on the western shore of Lake Baikal has been relevant since the 18th century. Numerous generalizing works have been devoted to this topic. Nevertheless, the subject remains insufficiently researched, with many gaps and controversial points. Therefore, the present study focuses on local traditions – specifically, the origins and development of indigenous arable farming among the Alar Buryats, who settled in the territory of the modern Alarsky District of the Ust-Orda Buryat Okrug, Irkutsk Region. This area, located on the left bank in the southern part of the Angara region, contains the most fertile lands of the Baikal region.

The study is based on an analysis of available archaeological, linguistic, folkloric, historical, statistical, and field materials, as well as data from contemporary research. To trace the origins of agricultural traditions, comparative analogies were drawn with the agrarian culture of neighboring regions of Southern Siberia, including Tuva and Khakassia. The study concludes that the Alar Valley was the main ancient granary of the Baikal pre-region. The genesis of arable farming is determined by the presence of carriers of Turkic agrarian culture in the region and the high natural agricultural potential of the territory.

Keywords: Alar Buryats, Baikal pre-region, agriculture, Turks, traditions, soils, cereals.

For citation

Makhachkeeva G. V. Traditional Agriculture of the Alar Buryats. *Bulletin of Buryat State University. Inner Asia Humanities Research.* 2026; 1: 52–66 (in Russ.).

The article was submitted 02.03.2026; approved after reviewing 10.03.2026; accepted for publication 24.03.2026.